

А. Д. Михилев

Философские смыслы литературы эпохи глобализации

О чем думает литература? С таким названием с подзаголовком «исследования по философии литературы» (другой вариант – «исследования литературной философии») в конце прошлого века в парижском университетском издательстве вышла книга Пьера Машерея. Основной вопрос, который находится в центре размышлений профессора Сорбонны П. Машерея, заключается в следующем: несет ли в себе художественная литература, кроме присущего ей эстетического удовольствия, еще и определенное философское поучение? Опираясь на анализ произведений ряда французских писателей XVIII-XX вв. – Сада, мадам де Сталь, Ж. Санд, В. Гюго, Г. Флобера, Ж. Батая, Л.-Ф. Селина, Р. Кено, Р. Русселя – исследователь дает однозначный позитивный ответ.

С его точки зрения, художественная литература – это не только образно-эстетическое познание мира, но она не в меньшей мере является и способом порождения смыслов, эффективной машиной, побуждающей к размышлению. «Философия и литература, – пишет он, – это как лицо и изнанка одного и того же дискурса», при этом «философия философов почти всегда предстает как оправдательный дискурс: она словно утверждает, что «все должно являться» и все необходимо должно быть понято как таковое. Этому фундаментальному тезису литературная философия, понимаемая как философское сознание определенной эпохи, в данном случае эпохи, которая простирается с 1800-х годов по сегодняшний день, возвращает нам в качестве иронического эхо лишенное иллюзий послание, которое звучит как избитый припев: все должно исчезнуть» [13, p.200]

Стремление художественной литературы дать объективную картину окружающей действительности, сопровождаемое ироническим отношением к так называемой правде жизни, способствует снятию иллюзий и придает литературной философии проблематичность. Эта проблематичность, являющаяся неотъемлемой составляющей художественных произведений, предстает как философское сознание

определенной исторической эпохи. Именно литература предназначена сказать то, что та или иная историческая эпоха думает о себе, поскольку только она способна дать обобщенный духовно-идеологический образ эпохи в многообразии ее социокультурных, научных и политико-экономических измерений. Об этом же полустолетием раньше заговорил выдающийся филолог и философ М.М Бахтин. В наброске к задуманной работе под красноречивым названием «К философским основам гуманитарных наук» М.М Бахтин исходит из глубокого убеждения в философичности не только гуманитарных наук, но и литературного художественного творчества, для которых основным объектом выступает познание личности в отличие от других наук, где объектом предстает вещь. В обоих случаях познание вещи и познание личности предстают как пределы.

Но если вещь, имеющая только внешность и существующая только для другого может быть раскрыта до конца односторонним актом познающего и «может быть только предметом практической заинтересованности», то познание личности – второй предел – это «мысль о Боге в присутствии Бога, диалог, вопрошание, молитва... Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения» [2, с.227].

«Предмет гуманитарных наук – уточняет далее М.М Бахтин – *выразительное и говорящее бытие*. Это бытие никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении» [2, с.228]. Формами представления этого бытия, неисчерпаемого в своем смысле и значении, и выступает искусство – литература, театр, живопись.

Вспомним, что еще Шеллинг рассматривал литературу и искусство как ту сферу духовно-практической деятельности, где преодолевается противоположность теоретического и нравственно-практического, достигается своеобразное эстетическое равновесие, своего рода гармония сознательной и бессознательной деятельности, тождество чувственного и нравственного начал. В работе «Об отношении изобразительных искусств к природе» Шеллинг говоря о своеобразии поисков истины и красоты в искусстве, постулирует по сути дела философскую основу художественного творчества: «Но что же,

кроме истинного, может быть действительным и что есть красота, если не полное, лишенное недостатков бытие? Какая более высокая цель может стоять перед искусством, чем изображение действительно сущего в природе?» [11, с.61]. А в своей работе «Философия искусства» он прямо называет философию искусства «органом» (т.е. орудием) философии и ее завершением. Не разделяя романтических крайностей Шеллинга о превосходстве искусства над философским знанием, нельзя не согласиться с ним в том, что философское начало является фундаментальным свойством художественного творчества, в первую очередь творчества литературного, и что оно реализует себя в нем отличным от философско-гуманитарных наук образом.

На эту же синтезирующую и гармонизирующую особенность искусства в сравнении с наукой и философией обратил внимание и И.Тэн в своей известной «Философии искусства». Говоря о преодолении человеком своей животной природы за счет приобщения к более высокой, созерцательной жизни, – жизни духа, где, кроме вопросов физического выживания, его начинают интересовать «вечные, изначальные причины, от которых зависит жизнь его и ему подобных, ...преобладающие, существенные характеры, управляющие каждой совокупностью вещей и оставляющие свой отпечаток на мельчайших подробностях» [6, с.30], И.Тэн видит два пути данной проблемы. Первый – это путь науки, с помощью которой человек познает и причины, и основные закономерности, интересующие его, закономерности, выражаемые им с помощью точных формул или абстрактных терминов (последнее есть сфера философии и гуманитарных наук). Второй путь – это путь искусства, где человек осмысляет эти же закономерности и причины не в сухих определениях, понятных «лишь для нескольких специалистов, а в форме осязательной, обращаясь не только к уму, но и к чувствам, и сердцу самого простого человека. Искусство имеет ту особенность, что оно одновременно возвышенно и общенародно: оно изображает самое высокое, делая его доступным для всех» [6, с.30].

Из сказанного выше вытекает, что искусство, в первую очередь художественная литература, обладает уникальной

способностью, создавая чувственно узнаваемые индивидуальные образы человека и мира, наделять их очарованием и силой всеобщего и универсального. Когда писатель рассказывает о судьбе того или иного персонажа, то кем бы он ни был по своему национальному признаку, цвету кожи или религиозному вероисповеданию – эллином или персом, немцем или французом, негром или китайцем, мусульманином или иудеем, – читатель, прежде всего видит в нем человека вообще, страдания и радости которого созвучны его чувствам. Именно эта всепроникающая и универсализирующая сила эстетически гуманизирующего воздействия художественной литературы наделяет ее подлинные произведения общечеловеческими смыслами независимо от времени и места создания этих произведений.

Нельзя не отметить тот факт, что общечеловеческие смыслы художественного творчества стали отличительной чертой уже на раннем этапе его развития – в древнегреческой литературе. Из нее и через нее в западноевропейскую культуру пришли образы вечных спутников человечества – великих героев и страдальцев – титана Прометея, Геракла, Одиссея, царя Эдипа, мужественной Антигоны и готовой на самопожертвование ради народного дела юной Ифигении.

На протяжении всей последующей истории развития художественной литературы значимость того или иного литературного произведения и его последующая жизнь определялась уровнем общечеловеческих смыслов, которые удавалось выразить художнику в судьбе изображенных им персонажей и событий – неважно, к какой национальности принадлежали эти персонажи.

В своей «Божественной комедии» итальянец Данте свел вместе не только представителей своей нации, воздав каждому из них по их земным делам, но и древних евреев, и греков, и римлян, и германцев, и язычников, и христиан с единственной целью – утвердить назначение человека и прояснить смысл его жизни. Не какого-то конкретного индивида, а именно человека – любого и каждого. Человека, которого он рассматривал в традициях Возрождения как высшее и прекраснейшее создание Творца, предназначенного к доблести и знаниям. Эту мысль он

замечательно выразил в 26-й песне «Ада» устами античного героя Одиссея (Улисса):

Подумайте о том, чьи вы сыны:

Вы созданы не для животной доли,

Но к доблести и знанию рождены[4, с.176]

Эти слова Одиссея, адресованные своим смертельно уставшим спутникам, чтобы побудить их к продолжению цели, – «изведать мира дальний кругозор» – не являются ли они поэтически выразительным напоминанием каждому человеку о его подлинном предназначении, напоминанием, в котором эмоционально-чувственное неразрывно слито с онтологическим, то есть философским и универсальным смыслом человеческого бытия. Но предназначение человека к доблести и знанию является оправданным лишь в контексте более высокого смысла, раскрывающегося в контексте всей поэмы, любви, которая «движет солнце и светила»[4, с.583].

Общечеловеческий смысл одухотворяет и знаменитую поэму И. -В. Гете «Фауст». Сквозь драматическую судьбу немецкого ученого и чернокнижника Фауста, стремящегося докопаться до последних тайн природы, явственно проступает фундаментальная идея о природе человека, о его предназначении – к добру или к злу и о его способности выбрать дорогу «доблести и знания», а не «животной доли».

Ставка в этом споре, как известно, душа «Фауста». Этот вопрос решается в споре между Мефистофелем, который отстаивает идею ничтожества человека, его готовности, «ползая в помете ..., жрать прах от башмака, как пресмыкается века змея, моя родная тетя» [3, с. 153], и Бога, уверенного в высоком предназначении человека и его способности «выбиться из мрака» [3, с. 152].

Итог – поражение Мефистофеля, которому не удалось, несмотря на все ухищрения, заставить Фауста «жрать прах от башмака», то есть пробудить в нем тягу к «животной доле»(Данте). Фауст уходит из жизни только тогда, когда осознает, что «лишь тот, кем бой за жизнь изведен, жизнь и свободу заслужил» [3, с. 604] и что бой этот должен вестись не за личное благополучие, а за великие цели всеобщего

благополучия, за «народ свободный на земле свободной» [3, с. 604].

Художественная литература, будучи всегда обращена к человеку, неизменно говоря о человеке, об его предназначении, об его месте в мире, об его устремлениях, страданиях и радостях, пробуждает в нем высокие помыслы, облагораживает его чувства, побуждает его к состраданию и сочувствию себе подобным и, следовательно, пробуждает в нем тягу к поиску «вечных, изначальных» смыслов. Это подтверждается всем опытом мировой литературы, причем на каждом этапе своего развития литература, сохраняя предшествующий опыт размышлений о человеке и мире, привносит нечто новое, соответствующее потребностям своего времени.

Так, например, литература XVII века, известная как литература классицизма, сосредоточила свое внимание на проблемах доблести и чести человека, прославила тип человека – гражданина, ставящего превыше всего служение интересам своего государства, защищающего честь и достоинство своего народа и своей семьи.

Литература XVIII века, получившая название литературы Просвещения, или литературы века Света (*siecle des lumieres*), возвала к разуму человека, показала неразумность и неоправданность наследственных привилегий аристократии, воспела новые принципы общественного устройства, ставшие фундаментальными ценностями и современного мира, – Свобода, Равенство, Братство, Справедливость.

Именно эти принципы нашли художественное обоснование в творчестве Вольтера, Дидро, Руссо, Бомарше, Дефо, Свифта, Шиллера, Гете. И именно эти принципы породили вольнолюбивую романтическую литературу с ее титаническими образами. бросающими вызов небесам (Демон, Каин, Манфред – байроновский тип Фауста) и обществу (Чайльд Гарольд, Корсар, Лара Дж. Г. Байрона, Алеко А. Пушкина, Мцыри М. Лермонтова и т.п.), а также проникнутую пафосом человеколюбия великую реалистическую литературу XIX века, расширившую горизонты философского осмысления условий человеческого бытия.

Что касается «философизации» художественной литературы XX и XXI веков, то, бесспорно одно: она идет по линии и

углубления, и расширения своего проблемного поля, что обусловлено кардинальными сдвигами, с одной стороны, в научном знании и в технологиях, а с другой – в геополитике. Оба эти аспекта нашли отражение в первую очередь в научной фантастике как специфической части художественной литературы эпохи глобализации.

Говоря о глобализации, можно сказать, что в мировом общественном сознании все больше утверждается мысль о том, что характерной, если не доминантной чертой современной эпохи становится глобализация – отчетливо выраженная тенденция к планетарному геополитическому и торгово-экономическому сотрудничеству без национально-государственных границ и барьеров. Процесс глобализации, уже вовлекший в свою орбиту огромное число стран, межгосударственных и общественных организаций, имеет как убежденных противников, так и горячих и последовательных сторонников. Противоречивость восприятия глобализации объясняется, с нашей точки зрения, по меньшей мере двумя обстоятельствами.

Что касается причины неприятия глобализации, то она прежде всего кроется в том, что ее проводниками выступают наиболее развитые в экономическом и культурном плане страны, что порождает подозрение и неприязнь прежде всего стран так называемого третьего мира. Последние не без основания усматривают в снятии барьеров и ограничений желание «золотого миллиарда» получить для своих интересов беспрепятственный доступ к национальным природным ресурсам и дешевой рабочей силе.

В то же время нельзя игнорировать тот факт, что объективно складывающиеся в предшествующие столетия условия мирового хозяйствования подвели человечество к идее глобализации как единственной, безальтернативной стратегии не просто дальнейшего развития, а скорее стратегии выживания. Человечество оказалось перед более серьезной угрозой, чем угроза неравномерного культурно-экономического развития и, собственно, несправедливого распределения производимых богатств, – оно оказалось перед угрозой глобальной экологической катастрофы, которая, по выражению одного из

исследователей глобальных процессов, погребает под собой все остальные проблемы, в том числе и проблемы неприкосновенности национальных границ и суверенитетов, и проблемы приоритета мировых религий, самодостаточности науки, соотношения научного и вненаучного знания и т.п.

Говоря иными словами, современная планетарная как социоэкономическая, так и экологическая ситуация такова, что проблема углубляющегося экологического кризиса принципиально не может быть решена ни на национально-государственном уровне, ни в рамках той или иной мировой религии, ни в рамках научного знания, – ее решение может быть обеспечено только за счет объединенных и согласованных усилий всего мирового сообщества.

Таким образом, уже только с этой точки зрения глобализация предстает как императивная объективная необходимость структурирования совершенно нового мирового порядка, в котором экологические, социокультурные и другие жизненно важные проблемы должны осмысляться в общечеловеческом плане. Общечеловеческий масштаб реалий современного мира диктует потребность в создании единого общечеловеческого государства, проект которого обосновал еще в конце XVIII века И.Кант в своей работе «К вечному миру», постулируя его необходимость идеей «вечного мира» и самим природным устройством человеческих склонностей. Общечеловеческое же государство, поставленное на повестку дня сегодняшней цивилизации, требует формирования и культивирования общечеловеческого или, иными словами, глобального мышления, которое в философско-гуманитарном знании предстает как планетарное сознание. Можно предположить, что формирующееся планетарное сознание (в онто-гносеологическом плане опирающееся на кантовское положение о том, что человек может реализовать себя только в масштабах всего рода человеческого и на учение Вернадского-Леруа-Тейяра де Шардена о ноосфере) с неизбежностью будет вбирать в себя те элементы научного, гуманитарного и вненаучного знания, которые несут в себе универсальное общечеловеческое начало, элиминируя из него локально-замкнутое, специфически конфессиональное содержание.

Философское осмысление глобализационных процессов, их влияние на сознание человека с учетом социокультурных трансформаций, масс-медийных, био – и генноинженерных технологий по сути дела только начинается (см., например: «Революция сознания»(2004) С.Грофа, Э.Ласло, П.Рассела; «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции»(2004) Ф. Фукуямы; «Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике»(2002) Ю.Хабермаса; «Философия и будущее»(1994). «Мир, в который мы вступаем: 2004-2050гг.»(2000) И. Валлерстайна, Р.Рорти ; «Универсум. Информация. Общество»(2001) Н.Н. Моисеева; «Глобализация: процесс и осмысление»(2001) А.И. Уткина и др.)

В то же время порождаемые научной революцией и глобализацией проблемы значительно раньше нашли постановку и осмысление в научной фантастике.

На развитие сознания среди прочих факторов мощное воздействие оказывает расширение пространственных представлений человека об окружающем его мире (вспомним, например, коперниканский переворот в космологии или открытие Америки). Начатое в XX веке осмысление человеком космического пространства не могло не оказать воздействия как на общественное, так и на индивидуальное сознание. Космос с открывающимися перспективами освоения близких и далёких миров, поиском внеземных цивилизаций и возможных форм разумных существ, путешествий во времени и т.п., – всё это обострило интерес к будущему.

Жанр научной фантастики позволил смоделировать на страницах литературных произведений многие ситуации будущего, в частности представления о наиндивидуальных (общечеловеческих, планетарных) формах сознания. XX век запечатлелся в общественном сознании именно как век научно-технических революций (радио, телефон, телевидение, атомная энергия, космические полёты, Интернет, расшифровка ДНК, клонирование и нанотехнологии). Всё это неизмеримо расширило границы человеческих возможностей и человеческого воображения и послужило мощной основой для плодотворного развития научной фантастики.

И в самом деле, в своих наиболее значимых произведениях научная фантастика сосредоточила внимание на важнейших философских аспектах как современности, так и будущего человечества: близкие и отдалённые последствия научно-технической революции, освоение космоса, проблема контакта с внеземным разумом, экологические катастрофы, сложность человеческой психики и сознания, тема бессмертия, возможность создания искусственного разума и улучшенного человека, клонирования человека и т. д. Практически все наиболее значимые научные фантасты в той или иной мере причастны к постановке и осмыслению указанных выше проблем. В целом этот взлёт научной фантастики, особенно характерный для середины XX века, правомерно рассматривать как реакцию сознания на бурное развитие науки и техники, запечатлевшейся в аббревиатуре НТР, и на развертывание глобализационных процессов. Космос выступает в данном случае как метафора, причём метафора заложена, по сути, в самом основании научной фантастики, являющей собой художественную модель проектирования развития (эволюции) человека (и человечества в целом) в направлении космической экспансии, модель, сопряжённую с идеей о том, что Человек и Космос неразрывно связаны.

На первый взгляд, космос является всего лишь неотъемлемой частью поэтики научной фантастики, но при более пристальном рассмотрении приходит понимание, что космос в научной фантастики – потребность самого сознания, стремящегося к постижению пределов человеческого потенциала, к новым открывающимся проекциям мироздания.

Научная фантастика одной из первых предприняла попытку художественно-философского осмысления процессов, связанных с освоением других планет, развитием роботехники и искусственным интеллектом. В ней проецирование сознания за пределы земного круга в космическое пространство явило собой виток эволюции сознания - его экстраполяции в будущее, в новые миры, в новые сферы.

Тема космической экспансии таким образом, предстаёт и как прямое выражение извечной мечты человечества о путешествиях за пределы земного круга (сказочный ковёр-самолёт, античные

истории о полётах на Луну и даже к Солнцу - «Правдивая история» Лукиана), и как проекция возможностей современных технологий, и, в известной мере вследствие этого как метафора расширяющегося человеческого сознания.

Однако следует отметить, что космическая экспансия рассматривается как в катастрофически-пессимистическом, так и в оптимистическом направлениях. Техника для упреждения, захвата, завоевания, будучи развитой, становится источником страхов и ужасов. Моделируемая в научной фантастике произведениях угроза, исходящая из Космоса, естественно, явилась реакцией сознания на страх перед технологиями, которые несли с собой не только надежду на улучшение жизни, но и продемонстрировали сокрушающую мощь, перед которой человечество оказывалось бессильным.

Гипотетическая возможность угрозы, исходящая от внеземных цивилизаций заявила о себе уже в начале XX века (Уэллс «Война миров», Дж. Кэмпбелл «Нечто», А. Ван-Вогт «Чудовище») и тогда же появилась тема реальной разрушительной способности земных технологий (Уэллс «Машина времени» и «Остров доктора Моро», Дж. Кэмпбелл «Сумерки»).

Оптимистичная линия, для которой характерна вера в позитивный результат развития технологий наибольшее раскрытие получила в творчестве Айзека Азимова или, например, в лучшем рассказе Раймонда Джоунса «Уровень шума».

В целом же идеи космической экспансии как материализация воплощения новой фазы эволюции сознания в той или иной мере практически коснулись все представители НФ, но наиболее продуктивно эта тема разработана (и именно в контексте данной темы) в творчестве Г. Уэллса, Д. Кэмпбелла, А. Ван Вогта, Г. Каттнера, А. Азимова, Р. Брэдбери, Р. Джоунса, А. Кларка и Ф. Сабержагена. Остановимся на творчестве лишь Г. Уэллса и А. Азимова.

Новые технологии, широко раздвинувшие физические горизонты мироздания, с неизбежностью поставили перед человеком и вопрос о месте человека в этом непомерно

развернувшемся мире, о соотношении его индивидуально-ментально-телесных возможностей с новой реальностью.

Экспансия на другие планеты неминуемо должна была выйти на проблему телесно-физиологических возможностей человека (как личности, так и индивидуума). Трансформация человеческого сознания и, соответственно, человеческого тела порождали острые философско-этические проблемы, среди которых магистральной является проблема биологических и ментальных возможностей и пределов человеческого тела, вектора его развития и необходимости его трансформаций.

В конечном итоге за всем за этим вставал вопрос, не приведут ли все эти многообещающие изменения и трансформации к утрате человеком своей человеческой природы - к изменению человека как вида (клоны, киборги, репликаны).

Писателем, задавшим научной фантастике масштабность поднимаемых проблем, своего рода планетарный уровень, по праву считается Герберт Джордж УЭЛЛС. Статьей «Разумная жизнь на Марсе» и романом «Война миров» (1898) Уэллс положил начало целой серии описаний космических вторжений пришельцев из других миров. Предположение о существовании жизни на Марсе и о вероятном превосходстве марсианского интеллекта над земным, ставило человечество перед перспективой насильственной гибели.

Обращают на себя внимание в романе «Война миров» два момента - философское рассуждение о возможной опасности для земной формы жизни, исходящей из других миров, и ощущение ужаса землян при виде пришельцев. В этом романе человечество чудом устояло в войне с марсианами, так как марсианские технологии орудий уничтожения (тепловые, паровые лучи и чёрный газ) на Земле не имели аналогов, а сами машины-треножки, в которых передвигались марсиане, были неуязвимы. Лишь земные бактерии, попавшие в организм марсиан с кровью землян (они питались кровью людей), оказались смертельно опасными для пришельцев.

В цикле своих наиболее известных романов «Машины времени» (1895), «Остров доктора Моро» (1896), «Человек-невидимка» (1897) он предостерегает человечество от опасности

развития технологий, которые могут привести в будущем к закату человеческой цивилизации.

В романе «Машина времени» (1895) он описывает общество 802 701 года как состоящее из двух пород людей: *Элоев*, вооружённых новейшими технологиями, но совершенно незащищённых и лишённых любознательности, и *Морлоков* – диких полулюдей. После «Машины времени» сразу два его романа – «Остров доктора Моро» и «Человек-невидимка» являют образ учёного, пытающегося изменить природу человека. В первом из этих романов главный герой доктор Моро претендует на роль Творца. Он создаёт людей при помощи скальпеля ... из зверей, но искусственно созданные им люди больше похожи на животных. Ибо они, по определению рассказчика, «зверолюди», которые в конечном итоге уничтожают своего Творца. Так, в символической форме Уэллс передал мысль о бесчеловечности и катастрофичности искусственного вмешательства в природу человека.

В «Человек-невидимке» Уэллс рассматривает новый вариант возможного усовершенствования человека за счёт превращения его в невидимку. Талантливый физик Гриффин, «равного которому ещё не видел свет», совершив случайно открытие в области физиологии – эффект превращения человека в невидимку, решает использовать своё открытие для собственного возвеличивания и установления «новой эры – эры невидимки» [7, с.227]. Лишённый позитивных нравственных принципов, ученый превращается в злобного врага общества и жалкого изгоя.

В этом произведении нашли отражение размышления Уэллса о возможностях науки в их соотносённости с нравственно-этическими принципами людей науки.

Создатель нового типа человека - человека космической эпохи, Айзек АЗИМОВ, прославился циклом произведений о роботах, в котором сформулировал Три Закона Роботехники (сб. «Я, робот» (1950), «Остальное о роботах» (1964), «Всё о роботах» (1982), «Сны роботов» (1986), «Видения роботов» (1990)). Особый интерес представляет именно проект человека будущего, созданный в его романах. Таковым предстает Дэниел Оливо (человекоподобный робот) - центральный персонаж двух тематических серий или всей «хроники будущего» Азимова.

Этот удивительный робот с самого начала заявлен как «триумф своего создателя». Наделив своего героя сверхвозможностями, человеческими чувствами и способностью влиять на сознание людей, Азимов по сути дела обожествил его.

Дэниел Оливо обладает возможностью создавать целые миры на основе нравственного императива, сформулированного писателем для роботов, – не причинять вред человеку ни при каких условиях. При этом, с развитием своих способностей, Дэниел выработает новый нравственный императив, ориентированный не на отдельного человека, а на все человечество (этот императив Азимов назовёт четвёртым законом роботехники).

Потомки людей, заселившие 50 планет, последней из которых по времени заселения является Солярия, в результате целенаправленных

исследований над изменением генетического кода в течение двадцати тысяч лет создают тип *совершенного или среднеполого* человека. К тому же они достигли психо- физиологической независимости и необычайного энергетического могущества за счёт выращенных в голове преобразователей энергии.

В этом контексте желание робота Дэниела соединиться с солярианином

Фолломом мозгами – являет собой художественное воплощение азимовской идеи, высказанной им в научно-аналитической книге «Выбор катастроф» о желательности, плодотворности и целесообразности соединения естественного разума с разумом компьютерным.

Кроме того, писатель моделирует и формы межпланетарного управления, и активное и целенаправленное участие учёных в формировании расширенного сознания. Как уже было отмечено, А.Азимов постулирует возможность продуктивного соединения человеческого мозга или человеческого сознания с позитронным мозгом. Он рассматривает возможность трансформации человека как вида и даёт несколько вариантов будущего мыслящего существа. Важным моментом его философии будущего является то, что он придаёт самое серьёзное значение созданию универсальных этических принципов под видом законов роботехники.

Его Три Закона Роботехники представляют своеобразный нравственный императив технологической эры. Они имеют следующий вид:

1. Робот не должен причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдаёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам [см.: 3]. Любопытно отметить, что на их основе в Японии и Корее создаётся этика для роботов. В то же время данные законы можно рассматривать в качестве нравственного императива самого человека.

Примечательно, что в последнем романе цикла о Галактической Империи А. Азимов формирует Четвёртый Закон Роботехники (он же Нулевой, т.е. важнейший), который недвусмысленно свидетельствует о необходимости перехода на качественно новую ступень нравственности - с индивидуальной на общечеловеческую: «Предотвратить вред для группы людей и человечества в целом важнее, чем предотвратить вред для индивидуума» [1, с. 1292].

В этой грандиозной саге есть много программных идей и о самой робототехнике с тремя законами нравственного императива, и о трансформации сознания и тела (Фоллом) человека будущего, который определяется самим Азимовым как «иной», отличный от традиционного типа человека, и о возможности и плодотворности соединения человеческого тела с искусственным интеллектом. В то же время, его художественные произведения о Галактической Империи есть отражение идеи планетарного сознания, которую он реализует, вынося события за пределы Земли и создавая межпланетарную и даже межгалактическую цивилизацию. Книги «Обнажённое Солнце», «Прелюдия к Основанию», «Трилогия об Основании», «Кризис Основания», «Основание и Земля» - это история Галактической Империи (сорока пяти тысяч лет будущего), в которой определяющую роль играет Основание, призванное осуществить проект мирного развития Галактической

цивилизации человечества. Ядром этого проекта является идея психоистории, которую придумал гениальный человекоподобный робот Дэниел Оливо, внушивший учёному Гари Сэлдону эту мысль и через него внедривший её в жизнь. Позиция Азимова ясна - развитие человеческой цивилизации он смело вверяет искусственному интеллекту.

Таким образом, мы видим, что расширение сознания в связи с техническими процессами выводит человечество на фундаментальные вопросы самоидентификации человека, его предельных телесно-физиологических возможностей и перспектив развития сознания.

Выражаясь словами Филиппа Дика, *«научная фантастика – это новое измерение нас самих и новое расширение нашей сферы абсолютной реальности; в этом плане научная фантастика не признаёт никаких пределов»* [216, p.50].

Исследование влияния научно-фантастической литературы на формирование концептов «планетарное сообщество» и «планетарное сознание» показывает, что идея планетарного сознания находит своё отображение не только в классической философии, но также в футурологии и научной фантастике – одной из первых попыток художественно-философского осмысления процессов, связанных с развитием научного знания и технологий (освоением других планет, развитием роботехники и искусственным интеллектом). В научной фантастике проецирование сознания за пределы земного круга в космическое пространство являет собой по сути дела художественно-философскую метафору витка эволюции сознания.

Жанр научной фантастики позволил смоделировать на страницах литературных произведений многие ситуации будущего, в частности представления о надиндивидуальных (общечеловеческих, планетарных) формах сознания. Одними из наиболее продуктивных в этом аспекте представляются произведения Г. Уэллса, Д. Кэмпбелла, А. Ван Вогта, Г. Каттнера, А. Азимова, Р. Брэдбери, Р. Джоунса, А. Кларка, Ф. Саберхагена. художественную модель проектирования эволюции человека (и человечества в целом) в направлении

космической экспансии, модель, сопряжённую с идеей о том, что Человек и Космос неразрывно связаны.

Из сказанного вполне правомерно можно сделать вывод, что одной из все более четко проступающих доминант художественной литературы второй половины XX века – начала XXI века является расширение пространственно-временных параметров создаваемой писателями художественной реальности.

Эта тенденция, впрочем, характерна для всей общекультурной ментальной ситуации данного периода и связана она, на наш взгляд, именно с научно-технической революцией и с глобализационными процессами, о которых говорилось выше.

Представляется, что есть все основания говорить о доминировании в литературе XX- XXI веков космического и планетарного хронотопа, о чем свидетельствует не только практика научно-фантастической, но и практика большой литературы, представленной творчеством Р. Роллана, Л. Арагона, Т. Манна, Г. Гессе, Ж.-П. Сартра, А. де Сент-Экзюпери, Г. Маркеса, О. Хаксли, Дж. Оруэлла, Дж. Фаулза, У. Голдинга, Дж. Барнса, К. Воннегута, П. Булля, Ж. Дютура, Р. Мерля, М. Уэльбека и др.

Нельзя не видеть, что характерный для литературы XIX века преимущественно локальный хронотоп, ограниченный как правило, национально-государственными принципами, начинает постепенно уступать место космическому в научной фантастике и планетарному – в литературе реалистической. Уже «Жан Кристоф» Р. Роллана выводит героя в пространство другой страны, а жизненное пространство героев «Очарованной души» охватывает Францию, Германию, Италию, Румынию, Советский Союз, Индию и США. Столь же пространна география недавнего романа одного из известнейших современных французских писателей Ж. -К. Рюффена «Аромат Адама»(2007) и столь же значительна, но уже именно для эпохи глобализации философско-этическая проблематика: возможность использования микробиологических открытий при этической безответственности ученых для целей международного терроризма; угроза, которую несут тоталитарные закрытия

экологических организаций с человеконенавистнической идеологией, готовые ради реализации возвращения человечества к первобытному раю уничтожить половину населения Земли.

В первой половине века французский писатель А. де Сент-Экзюпери, опираясь на современные ему научно-технические достижения, позволившие взглянуть на Землю с самолетной высоты, сформулировал ставшую достоянием общественного сознания выразительную метафору, которая, по сути, является художественной квинтэссенцией планетарного сознания: Земля – колыбель человечества, подобная маленькой лодке, затерянной в космическом пространстве, а все люди – пассажиры этой лодки. Этот образ единого человечества планеты, уподобленный экипажу хрупкого суденышка, жизнеспособность которого целиком зависит от единства действий команды, стал емким философски насыщенным символом современного состояния мира и человека.

Вот как он написал об этом в книге с красноречивым названием «Планета людей» (1939): «Чего ради нам ненавидеть друг друга? Мы все заодно, уносимые одной и той же планетой, мы – команда одного корабля. Хорошо, когда в споре между различными цивилизациями рождается нечто новое, более совершенное, но чудовищно, когда они пожирают друг друга. Чтобы нас освободить, надо только помочь нам увидеть цель, с которой мы пойдем бок о бок, соединенные узами братства, – но тогда почему бы не искать такую цель, которая объединит всех?»[5, с.171]. И здесь же он обратил внимание на то, что именно техника, – рубанок, плуг, самолет – помогая человеку познавать самого себя в борьбе с препятствиями, приобщает его «к вечным вопросам»[5, с.39], то есть к вопросам сугубо философским. Разве не к этим вопросам извечного противостояния любви и ненависти между народами и стратегической необходимости взаимопонимания и единства рода человеческого возвращает нас книга американского философа и социолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», появившаяся в самый канун XXI века? «[10]

К не менее важным вопросам современный действительности возвращает читателя «выразительное и говорящие бытие», воссоздаваемые в творчестве многих других

признанных писателей XX-XXI веков. Та же проблема научных технологий и их роли в судьбе отдельного человека и человечества в целом поднята в романах О.Хаксли «О дивный новый мир», Р.Мерля «Охраняемые мужчины», П.Булля «Планета обезьян», К.Воннегута «Колыбель для кошки», «Сирены Титана», М.Уэльбека «Возможность острова» задолго до появления попыток их философского осмысления в работах Ф.Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции» и Ю.Хабермаса «Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике?»

Судьба личности в тоталитарном государстве, извечная проблема соотношения интересов человека и государства нашла классическое отражение в романах Е.Замятина «Мы», того же О. Хаксли «О дивный новый мир» и Дж.Оруэлла «1984». Обращает на себя внимание тот факт, что во всех этих романах речь идет не о каком-то конкретном государстве, но о государстве мировом, то есть проблема переносится в планетарное измерение. Вспомним, что в романе О. Хаксли девизом Мирового Государства, начертанным над «Центрально-лондонским инкубаторием и воспитательным центром», являются слова «Общность, одинаковость, стабильность»[9, с.527]. То же можно сказать и о романе П. Булля «Игры разума», в котором речь идет о попытке создания Мирового Государства с правительством, состоящим сплошь из нобелевских лауреатов.

Таким образом, даже беглый взгляд на художественную литературу эпохи глобализации показывает, что ее развитие идет по линии усиления «философизации» осмысления трансформирующейся к планетарному сообществу современной цивилизации. Об этом свидетельствует художественная практика как научной фантастики, так и большой литературы, меняющей масштаб и глубину художественного измерения порождаемых научно-технической революцией и глобализационными процессами проблем. Неизменным остается краеугольный ориентир литературы – человек и мир, современный писателю, о чем свидетельствует не только названные выше произведения, но и один из последних романов, пожалуй, самого известного французского писателя начала XXI века – Мишеля Уэльбека «Элементарные частицы»,

обозначенный им как книга, которая является «прежде всего историей человека...второй половины XX столетия» и которая «посвящается человеку»[8, с.7, 526].

Summary

The article deals with the philosophical problem of the belles-letters in general and the philosophical senses of literature of XX – XXI centuries in particular. On the basis of the position of aesthetic theory of Schelling, Tan, Bakhtin and the analysis of the work of the greatest modern writers discover the wide range of actual philosophical senses of literature of the age of globalization.

Литература

1. Азимов А. Я, робот: Фантастические произведения /пер. с англ.–М.: Изд-во «Эксмо», 2005. – С. 1032-1294.
2. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук.– СПб.:Азбука, 2000. – 336 с.
3. Гете И.-В. Страдания юного Вертера: Роман.Фауст: Трагедия / пер.с нем. Н.Касаткиной и Б.Пастернака. – М.:Изд-во «Эксмо», 2006. – 655 с.
4. Данте Алигьери. Божественная комедия/ пер.с итал., вступ.ст. и прим. М.Л.Лозинского. – М.: Изд-во «Эксмо», 2003. – 848 с.
5. Сент-Экзюпери А.де. Планета людей. Маленький принц: Романы, сказки / Пер.с фр. – М.: Изд-во «Эксмо», 2007.–576 с.
6. Тэн И.Философия искусства. – М.:Республика, 1996. – 351 с.
7. Уэллс Г.Дж. Машина времени. Война миров. Человек-невидимка: Романы, рассказы: пер.с англ. – М.:МФ «Пушкинская библиотека, ООО Изд-во АСТ», 2003.
8. Уэльбек М. Элементарные частицы. Роман / Пер.с фр.– Иностранка, 2008. – 528 с.
9. Хаксли О. Контрапункт. О дивный новый мир. Обезьяна и сущность. Рассказы: пер.с англ. – М.: МФ «Пушкинская библиотека, ООО Изд-во АСТ», 2003. – 986 с.
- 10.Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер.с англ.– М.:АСТ, 2008. – 603 с.
- 11.Шеллинг Ф.В.И. Соч. в 2т.:Пер. с нем. Т.2.:М.:Мысль,1989. – 636 с.
- 12.Fontaine F. La science fiction. – Р. – 50 p.

13.Macherey P.A. A quoi pense la littérature? Exercices de philosophie li Heraire. – P.:PUF,1990. – 253 p.

14.Ruffin J.-C. Le parfum d'Adam. – P.:Flammarion,2007. – 541 p.